

Нѣсколько критическихъ замѣчаній на книгу г. Чичерина: „Основанія логики и метафизики“.

Новый трудъ Б. Н. Чичерина ¹⁾ во многихъ отношеніяхъ обращаетъ на себя вниманіе. Прежде всего, ученая репутація автора, извѣстнаго въ нашей литературѣ своими крупными работами по вопросамъ юридическимъ и философскимъ ²⁾, порождаетъ нѣкоторыя естественныя надежды и относительно настоящей книги. Затѣмъ трудность и важность предмета изслѣдованія, за который въ послѣднее время какъ у насъ, такъ и за границей обыкновенно берутся очень рѣдко и неохотно, дѣлають книгу г. Чичерина явленіемъ до извѣстной степени выдающимся. Наконецъ, и то назначеніе, какое самъ авторъ ей усваиваетъ, не позволяетъ ее игнорировать: онъ посвящаетъ свою работу *„молодымъ русскимъ философамъ, какъ наследіе поколѣній, занимавшихся философіею въ нашемъ отечествѣ“*, очевидно желая, чтобы она послужила,—если не руководствомъ, то возбужденіемъ къ опытамъ собственнаго философствованія для лицъ, интересующихся философскими вопросами. Всѣмъ этимъ, надѣемся, въ достаточной мѣрѣ объясняется наше желаніе дать посильную оцѣнку новой книги г. Чичерина. Но кромѣ указанныхъ прямыхъ побужденій къ такой оцѣнкѣ мы имѣемъ еще одно косвенное. При появленіи своемъ въ свѣтъ, эта

¹⁾ Изд. въ Москвѣ, въ 1894 г.

²⁾ Вотъ эти работы: „Областныя учрежденія въ Россіи въ XVII вѣкѣ“, „Опытъ по исторіи русскаго права“, „Очерки Англій и Франціи“, „Нѣсколько современныхъ вопросовъ“, „Исторія политическихъ ученій“ въ 4 ч., „Наука и религія“, „Мистицизмъ въ наукѣ“, „Собственность и государство“ въ 2 ч., „Положительная философія и единство науки“.

книга была встрѣчна весьма сочувственнымъ отзывомъ въ такомъ солидномъ журналѣ, какъ „Вопросы философіи и психологіи“¹⁾. Весьма естественно, что этотъ отзывъ могъ бы послужить къ утверженію за нею очень лестной репутаціи и, пожалуй, даже нѣкотораго вліянія въ нашемъ образованномъ обществѣ. Мы, съ своей стороны, не отрицая за произведеніемъ г. Чичерина многихъ достоинствъ, указанныхъ почтеннымъ рецензентомъ философскаго журнала, отнюдь, однако, не можетъ всецѣло присоединиться къ этому отзыву и, въ интересахъ истины и справедливости, желали бы дать къ нему нѣсколько поправокъ.

Книга г. Чичерина распадается на двѣ половины, изъ которыхъ первая содержитъ *логику* (стр. 12—216), а вторая *метафизику* (стр. 217—367). Такъ какъ это соединеніе двухъ философскихъ дисциплинъ въ одномъ изслѣдованіи мотивируется у автора ихъ внутренней сопряженностью, невозможностью разрабатывать одну безъ другой (стр. 3), то естественно, что имъ предшествуетъ общее предисловіе, которое, пожалуй, удобнѣе было бы назвать „введеніемъ“ (стр. 1—11).

Какъ извѣстно, при настоящихъ условіяхъ разработки философіи, научное достоинство всякаго философскаго изслѣдованія опредѣляется двумя обстоятельствами: 1) качествомъ тѣхъ *историко-критическихъ* операций, при помощи которыхъ авторъ оправдываетъ свою точку зрѣнія вопреки различнымъ противоположнымъ ученіямъ, и—2) качествомъ даваемого имъ *положительнаго* обоснованія своихъ взглядовъ. Съ этихъ двухъ точекъ зрѣнія мы рассмотримъ и книгу г. Чичерина.

Историко-критическая сторона въ изслѣдованіи г. Чичерина крайне слаба,—почти совсѣмъ отсутствуетъ; и это составляетъ главный и самый крупный недостатокъ работы, косвенно обусловившей и многіе промахи въ ея положительной сторонѣ. Свое отношеніе къ другимъ исторически извѣстнымъ философскимъ ученіямъ авторъ опредѣляетъ главнымъ образомъ въ первой половинѣ своего „предисловія“, гдѣ говорится о поводѣ, цѣли, предметѣ и задачахъ работы.

¹⁾ Отзывъ этотъ помѣщенъ въ 21-ой кн. названнаго журнала и принадлежитъ кн. С. Н. Трубецкому. Кромѣ этого отзыва была еще небольшая—и тоже довольно сочувственная замѣтка въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“.

Поводомъ къ своему изслѣдованію г. Чичеринъ выстав-
ляетъ замѣчаемое имъ усиленіе интереса и симпатій къ мета-
физикѣ среди современныхъ мыслителей. „Девятнадцатый
вѣкъ, говоритъ онъ, представляетъ относительно метафизики
два совершенно противоположныя теченія. Первая его
половина отличалась такимъ увлеченіемъ метафизическими
началами, подобное которому едва ли можно найти въ исто-
риіи мысли. Система возникала за системою, одна глубже
и величественнѣе другой. Казалось, мысль проникла во всѣ
тайны бытія и все свела къ высшему, вытекающему изъ
разума единству. И вдругъ на этой высотѣ произошелъ
поворотъ. Мысль пришла въ обратное движеніе. Метафизика
была отвергнута, какъ негодный хламъ; единственнымъ
источникомъ познанія признанъ былъ опытъ.—Люди,
знакомые съ исторіею развитія человѣческаго мышленія,
не могли сомнѣваться въ томъ, что эта новая односторон-
ность будетъ столь же недолговѣчна, какъ и первая. Лег-
комысленные поклонники настоящей минуты могли считать
исключительный эмпиризмъ послѣднимъ словомъ науки и ви-
дѣть въ метафизикѣ отжившую точку зрѣнія, окончательно
сданную въ архивъ; для болѣе глубокаго и основательнаго
взгляда это было не болѣе какъ временное увлеченіе, за
которымъ должна была послѣдовать новая реакція. И точно,
эта реакція теперь наступаетъ. Чистый эмпиризмъ далъ
все, что онъ могъ дать. Оказалось, что не только онъ со-
вершенно не способенъ свести къ единству противополож-
ныя явленія мысли и матеріальнаго бытія, не только въ об-
ласти внутренняго опыта онъ приводитъ къ полному извра-
щенію явленій и послѣдовательно къ отрицанію самой ло-
гики, но даже въ той сферѣ, гдѣ онъ празднуетъ вели-
чайшія свои побѣды, въ области матеріальныхъ явленій, онъ
самъ не можетъ обходиться безъ метафизическихъ началъ
и, вмѣсто отрицанія, приводитъ къ ихъ подтвержденію.
Понятія о матеріи, о силѣ, объ атомахъ, о потенціаль-
номъ и дѣятельномъ состояніи, о законѣ, какъ владыче-
ствующей въ мірѣ необходимости, суть понятія метафизиче-
скія, и опытная наука не только ихъ не отвергаетъ,
а напротивъ, — полагаетъ ихъ въ основаніе всѣхъ сво-
ихъ выводовъ. При такихъ результатахъ, не мудрено, что
мыслители различныхъ народностей и направленій начина-

ютъ обращаться къ метафизикѣ, ожидая отъ нея высшаго объединенія человѣческаго знанія. Это—знаменье времени; въ немъ выражается сознание недостаточности односторонней точки зрѣнія и требованіе исхода. До сихъ поръ, однако, это сознание остается однимъ чаяніемъ. Для того, чтобы оно стало научнымъ началомъ, надобно, чтобы сама метафизика сдѣлалась положительною наукою, имѣющею свои вполне достовѣрныя основанія и свои совершенно твердые пути. Недостаточно говорить о необходимости метафизики; надобно представить ее, какъ неотразимый фактъ“ (стр. 1—2). Последнее именно и хочетъ сдѣлать авторъ въ своей книгѣ.

Мы не боимся ошибиться, сказавъ, что во всякаго, знакомаго съ современнымъ состояніемъ философіи, приведенныя слова г. Чичерина способны сразу-же и напередъ вселить нѣкоторое недоувѣріе къ его предпріятію: слишкомъ ужъ много здѣсь рѣшительности и самоуверенности, невольно заставляющихъ подозрѣвать, что авторъ имѣетъ не совсѣмъ правильныя представленія о современныхъ средствахъ философскаго знанія. Въ самомъ дѣлѣ, легко вѣдь сказать, — „представить метафизику, какъ неотразимый фактъ“! Да кто же въ настоящее время повѣритъ возможности этого? Еще въ 30—40-хъ годахъ такія намѣренія могли встрѣчаться и безъ недоувѣрія, а теперь, послѣ того, какъ мы имѣемъ предъ своими глазами примѣры крушенія самыхъ разнообразныхъ и многообѣщавшихъ метафизическихъ предпріятій, это совсѣмъ невозможно. Теперь защитники метафизики ¹⁾ обыкновенно отстаиваютъ лишь возможность ея, какъ *проблематическаго* или *приблизительнаго* эскиза теоріи бытія; и если мы возьмемъ самыхъ крупныхъ современныхъ метафизиковъ, — напр., Гартмана и Вундта, — то безъ труда увидимъ, какъ далеки они отъ такой самоуверенности, чтобы видѣть въ своихъ созданіяхъ „неотразимый фактъ“. Повторяемъ — предпріятіе г. Чичерина, въ такой формѣ намѣчаемое, производитъ впечатлѣніе чего-то совсѣмъ нерасчитаннаго на современность. Мы, конечно, признаемъ

¹⁾ Напр. *Фолькельтъ*—въ известной рѣчи „Ueber die Möglichkeit der Metaphysik“, *Паульсенъ*—въ своемъ „Введеніи въ философію“, недавно переведенномъ на русскій языкъ, и др.

вполнѣ справедливою его мыслью о необходимости метафизики и считаемъ вполнѣ законнымъ требованіе, чтобы она „сдѣлалась положительною наукою, имѣющею свои вполнѣ достовѣрныя основанія и свои совершенно твердые пути“. Но чтобы повѣрить въ скорую осуществимость этого желанія, нужно ужъ слишкомъ закрывать глаза на дѣйствительность; и это тѣмъ болѣе, — что вѣдь и самъ авторъ въ сущности не скрываетъ, что „до сихъ поръ это сознание остается *однимъ чаяніемъ*“ ¹⁾. Кто же повѣритъ, что метафизика, бывшая до сихъ поръ лишь предметомъ неосуществленныхъ упованій, станетъ „положительной наукой“, пройдя чрезъ обработку г. Чичерина?

Чувствуется недостатокъ вполнѣ отчетливаго пониманія дѣйствительности также и въ изображеніи авторомъ того положенія, какое мыслители 19-го вѣка послѣдовательно занимали относительно метафизики. Въ общемъ это изображеніе вѣрно; но необходимо согласиться, что краски въ немъ значительно сгущены и смыслъ явленій утрированъ. Пикогда ни увлеченіе метафизикой, ни пренебреженіе ею не было общимъ, повсюднымъ: то и другое въ теченіе всего 19 столѣтія существовало на ряду другъ съ другомъ. Огюсть Контъ былъ младшимъ современникомъ Гегеля, а одновременно съ разцвѣтомъ англійскаго эмпиризма (Милль и Спенсеръ), нѣмецкаго матеріализма (Фохтъ, Бюхнеръ, Чольбе и др.) и скептическаго повокантіанства (Лянге, Лаасъ и пр.) мы встрѣчамъ оригинальныя и глубокомысленныя метафизическія системы Лотце, Гартмана, Фехнера, Фрошаммера и др. Такимъ образомъ, строго говоря, „двухъ совершенно противоположныхъ теченій относительно метафизики“ 19 вѣкѣ не представляетъ. Неправедливъ, затѣмъ, и приговоръ относительно эмпиризма. Положеніе послѣдняго въ настоящее время не только не является такимъ плохимъ, какъ это представляется у автора, но даже оказывается во многихъ отношеніяхъ болѣе выгоднымъ сравнительно съ его противоположностію — апіоризмомъ. Напримѣръ, въ вопросахъ—о предѣлахъ достовѣрности математическихъ аксіомъ, о всеобщемъ и необходимомъ значеніи категоріи причинности и др. апіоризмъ многими и не безъ

¹⁾ Курсивъ нашъ.

основанія считается тормазомъ для развитія науки ¹⁾. Наконецъ, и стремленіе къ метафизикѣ, замѣчаемое въ настоящее время, вовсе ужъ не такъ сильно, какъ думаетъ г. Чичеринъ. Развѣ ему неизвѣстно, какъ сильны въ настоящее время разныя скептическія и полускептическія движенія въ философіи (критицизмъ и позитивизмъ)?

Итакъ, въ пѣдрахъ вотъ какого неправильнаго пониманія исторической дѣйствительности имѣетъ свой *raison d'être* изслѣдованіе г. Чичерина. Наше недоувѣріе къ его результатамъ можетъ поэтому уже а priori считаться законнымъ. Но послѣдуемъ за авторомъ.

Указавъ на необходимость представить метафизику, какъ „неотразимый фактъ“, г. Чичеринъ продолжаетъ: „Такова неустрашимая задача, которая предстоить современнымъ философамъ, задача, безъ исполненія которой мысль не подвинется ни на шагъ. Но какъ приняться за разработку метафизики, не утвердивъ предварительно логики на непреложныхъ началахъ? Метафизика представляетъ развитіе логическихъ опредѣленій на основаніи логическихъ законовъ; она вся держится на логикѣ“ (стр. 3). Эти слова могутъ вызвать недоумѣніе у людей держащихся обыкновеннаго взгляда на логику, какъ теорію познавательныхъ приемовъ и научныхъ методовъ: какимъ образомъ метафизика, — наука, состоящая изъ положеній съ извѣстнымъ содержательнымъ характеромъ, — можетъ *вся* держаться на логикѣ, наукѣ о чисто *формальныхъ* условіяхъ достовѣрности знанія? Но это утвержденіе г. Чичерина, — хотя вообще и спорное, а по нашему личному мнѣнію, даже и совсѣмъ невѣрное ²⁾, — всетаки становится вполне понятнымъ, если принять въ расчетъ основную философскую точку зрѣнія автора. Онъ открыто заявляетъ себя приверженцемъ Гегелевскаго панлогизма, т. е. признаетъ „тожество законовъ разума и законовъ вѣшняго міра“ (стр. 218, §§ 7—8) и потому счи-

¹⁾ См. объ этомъ у *Струве*, „Введеніе въ философію“, стр. 133—138. Недавно появившійся 1-й выпускъ капитальнаго труда Проф. *М. И. Каринскаго*, „объ истинахъ самоочевидныхъ“, въ значительной степени оставляетъ такое-же впечатлѣніе.

²⁾ Это свое мнѣніе мы имѣли случай высказать и отчасти обосновать въ статьѣ: „Возможна-ли метафизика ума?“ (Чтенія въ общ. люб. дух. просв. 1893 г., кн. III).

тасть возможнымъ изъ логическихъ опредѣленій мысли развить систему объективныхъ опредѣленій бытія. Но за то ужъ совсѣмъ странными показались намъ дальнѣйшія разсужденія автора о современномъ положеніи логики, побуждающемъ, будто-бы, его „перестроить логику заново“ (стр. 5).

Какъ извѣстно, логика среди другихъ философскихъ наукъ является до нѣкоторой степени счастливымъ исключеніемъ въ томъ отношеніи, что содержаніе оя ученій вызываетъ значительно меньше споровъ и разногласій. Автору же дѣло представляется совсѣмъ въ иномъ видѣ. „Эта наука, говоритъ онъ, подвергается такимъ разнорѣчивымъ толкованіямъ и такимъ изумительнымъ искаженіямъ, какъ никакая другая. Формально она не отвергается, какъ метафизика; но по существу она отрицается всюю школою чистыхъ эмпириковъ. Ибо что такое ученіе всей англійской школы, съ Миллемъ и Бэномъ во главѣ, какъ не отрицаніе всякаго логическаго начала и низведеніе разума на степень чистой бессмыслицы (sic!)? Когда положеніе, что двѣ величины, равныя третьей, равны между собою, выводится изъ привычки, приобретаемой ежедневнымъ опытомъ, то что-же остается для логической дѣятельности? Разумъ не только перестаетъ быть дѣятельною силой и превращается въ чистую доску; онъ становится просто нулемъ. Вѣщныя впечатлѣнія, получившія фиктивную самостоятельность подъ заманчивымъ прозвищемъ факта, таинственнымъ образомъ сходятся и расходятся въ пустой средѣ, именуемой чело-вѣческой мыслью, и производятъ бессмысленныя сочетанія, которыя, въ силу привычки укореняются и воспроизводятся въ другихъ подобныхъ же случаяхъ. При такомъ полномъ отрицаніи всякаго разумнаго начала, т. е. начала, вытекающаго изъ разума, какъ таковаго, мудрено-ли, что всѣ логическія дѣйствія получаютъ совершенно превратный видъ?.. Эмпирическая логика, отвергающая всякій умозрительный элементъ, въ сущности есть отрицаніе логики; иными словами, это—теорія глупости“ (стр. 3—4). Сильнѣе и рѣзче этого невозможно высказаться! Но за то ужъ читатель въ правѣ не только ожидать, но и требовать, чтобы авторъ, высказывая такія радикальныя мнѣнія, *доказывалъ* ихъ, А вотъ доказательства-то именно и нѣтъ ни въ разсматриваемомъ предисловіи, ни въ самомъ изложеніи логики.

Даже болѣе того,—въ изложеніи, напримѣръ, ученія объ индукціи (стр. 166—179) онъ не дѣлаетъ никакихъ существенныхъ поправокъ къ теоріямъ столь поруганныхъ имъ Милля и Бэна, творцовъ „теоріи глупости“. Къ чему-же было поднимать весь этотъ неприличный шумъ?... И изъ-за чего такъ негодуешь авторъ на приверженцевъ эмпирической логики?—изъ-за вещей, не имѣющихъ, строго говоря, къ логикѣ никакого отношенія. Чѣмъ можетъ повредить разработкѣ логики убѣжденіе въ эмпирическомъ происхожденіи математическихъ аксіомъ и категорическихъ понятій?—мы объ этомъ рѣшительно не можемъ догадаться.

Такимъ же характеромъ отличаются и сужденія автора о нѣмецкой логикѣ. „Не многимъ выше, говоритъ онъ, стоитъ и нѣмецкая школа. И здѣсь вытекающее изъ реализма стремленіе придать логикѣ значеніе естественной науки, основанной на фактахъ, ведетъ къ извращенію ея истиннаго характера. Фактическая сторона, которая ничто иное, какъ явленіе логической, получаетъ неподобающій перевѣсъ надъ послѣдней; нерѣдко призывается на помощь самая фізіологія, которой вмѣшательство тутъ совершенно неумѣстно; внутренний опытъ уподобляется внѣшнему; наконецъ, разумъ подчиняется волѣ и тѣмъ лишается присущей ему самостоятельности, между тѣмъ какъ истинное отношеніе состоитъ въ подчиненіи воли разуму, а не наоборотъ. При такихъ превратныхъ понятіяхъ о существѣ разума и его дѣйствіяхъ, логическія изслѣдованія нѣмецкой школы, начиная съ Тренделенбурга и кончая Зигвартомъ и Вундтомъ, представляютъ большею частію только цѣпь невѣрныхъ выводовъ. Съ трудомъ можно отыскать въ нихъ какое-либо точное и достовѣрное положеніе. Вмѣсто ясности мысли водворяется египетская тьма. Что-же удивительнаго, если тьма водворяется и въ другихъ наукахъ, заимствующихъ свои начала логики?“ (стр. 4—5). Мы рѣшительно ничѣмъ не можемъ извинить этой дурной манеры произносить такіе рѣзкіе и при томъ—огульные, совершенно не мотивированные и безапелляціонные приговоры. Если такіе литературные приемы „молодымъ русскимъ философамъ“ завѣщаютъ „поколѣнія, занимавшіяся философіею въ нашемъ отечествѣ“, то избави насъ Богъ отъ такого „наслѣдія“: оно не только не достигнетъ намѣчаемой себѣ цѣли—во-

дворить „ясность мысли“ на мѣсто „египетской тьмы“, а, пожалуй, приведетъ къ совершенно обратному результату.

Раздѣлившись такъ побѣдоносно со всѣми направленіями въ разработкѣ логики, авторъ рѣшаетъ: „При такомъ положеніи вещей остается перестроить логику заново“ (ibid). *Quod erat demonstrandum!*... „Но,—спрашиваетъ онъ,— какъ къ этому приступить? Гдѣ найти твердыя точки опоры, когда относительно самыхъ коренныхъ началъ въ логикѣ господствуетъ полнѣйшее разнорѣчіе, и наибольшее согласіе устанавливается именно въ томъ, что всего болѣе удаляется отъ истины?“ (ibid.). Положеніе, дѣйствительно, крайне затруднительное. Но.... это у г. Чичерина только *quaestio rhetorica*: онъ въ сущности отлично знаетъ, какъ поступить, и очень легко выходитъ изъ затрудненія. „Къ счастью, говоритъ онъ, логика заключаетъ въ себѣ начала, въ которыхъ нельзя сомнѣваться и кототорыя извѣстны давнымъ давно¹⁾. Мы имѣемъ и специальную науку, математику, основанную чисто на законахъ логической необходимости и дающую совершенно точное и достовѣрное знаніе. Стало быть, возможность достигнуть въ этой области точной и достовѣрной истины для насъ не закрыта. Не требуются даже тѣ многостороннія изслѣдованія и тѣ искусственные приемы, къ которымъ прибѣгаютъ ученые, старающіеся уловить связь виѣшнихъ явленій (?!). Начала и приемы мысли даются намъ непосредственнымъ самосознаніемъ, и результаты ихъ показываютъ, чего мы этимъ путемъ можемъ достигнуть²⁾. Для логическихъ изслѣдованій нужно только (*sic!*) взглянуть яснымъ и не предубѣжденнымъ взоромъ на то, что мы дѣлаемъ, не внося сюда постороннихъ соображеній и не сбиваясь съ толку теоріями, которыя сами должны найти свое оправданіе въ логикѣ“ (стр. 6).

Крайне грустное впечатлѣніе производятъ эти методологическіе рецепты!... Но мы можемъ освободить и себя и чи-

¹⁾ Сколь-же велика должна быть, въ такомъ случаѣ, ограниченность англійскихъ и нѣмецкихъ логиковъ, если они не могли воспользоваться тѣмъ, что „извѣстно давнымъ давно“, а вмѣсто того построили лишь „теорію глупости“, да водворили въ наукѣ „египетскую тьму“!...

²⁾ Ниже мы будемъ имѣть случай видѣть нѣкоторые замѣчательные выводы, которыхъ „этимъ путемъ“ достигъ г. Чичеринъ.

тателей отъ оцѣнки этихъ совѣтовъ, потому что ихъ достоинства яснѣе всего выступаютъ при разборѣ ихъ практическихъ результатовъ. Вмѣсто того мы считаемъ вполне умѣстнымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ объ общемъ характерѣ книги г. Чичерина, потому что приведеннымъ мѣстомъ изъ его „предисловія“ оканчивается его *историко-критическое ориентированіе*, или стремленіе указать raison d'être своего изслѣдованія въ условіяхъ современной научной разработки избранныхъ имъ философскихъ наукъ, соотнести свои взгляды съ воззрѣніями другихъ мыслителей и оправдать, такимъ образомъ, свою основную точку зрѣнія; дальше начинается уже чисто *догматическое* построеніе *системы* съ крайне рѣзкими и совершенно голословными замѣчаніями о ложности того или иного философскаго ученія.

Мы уже имѣли случай упомянуть, что по своей основной точкѣ зрѣнія г. Чичеринъ является *гегельянцемъ*. Въ этомъ, конечно, ничего еще нѣтъ дурнаго. Основная мысль Гегелевскаго панлогизма до сихъ поръ еще остается не опровергнутою окончательно, и надежда на торжество у нея еще не отнята. Но только этого торжества она можетъ достигать не иначе, какъ сводя счета съ другими направленіями, которыя теперь владѣютъ философствующими умами. Мастерскую попытку въ этомъ родѣ далъ два года назадъ Н. Г. Дебольскій, книга котораго ¹⁾ вызываетъ на серьезныя размышленія и задаетъ критику трудную работу, потому что авторъ дѣйствительно беретъ свою позицію съ бою, стараясь опровергнуть,—и при томъ съ замѣчательнымъ остроуміемъ,—всѣ направленія, смѣнившія собою въ теченіе исторіи гегелевскій панлогизмъ; такимъ образомъ, здѣсь самое несогласіе съ авторомъ (которое, повторяемъ, дается не легко) съ избыткомъ окупается тѣми многосторонними размышленіями, на какія онъ вызываетъ читателя. Нѣчто подобное съ полнымъ правомъ ожидали мы встрѣтить и въ книгѣ г. Чичерина. Намъ думалось, что этотъ ветеранъ русской философіи, какимъ онъ рисуется въ посвященіи своей книги,—внимательно присмат-

¹⁾ Философія феноменальнаго формализма. I Метафизика. Вып. 1-ый СІВ. 1892, стр. 177.

риваясь къ явленіямъ современной философской мысли и опытною рукою отмѣчая недостатки господствующихъ философскихъ теорій, но умѣя въ то же время отдавать имъ и дань справедливости,—покажетъ намъ, что цѣннаго еще остается въ почти позабытомъ теперь гегельянствѣ, какое значеніе должно имѣть это цѣнное при разработкѣ занимающихъ насъ вопросовъ и пр. Ничего подобнаго нѣтъ. Авторъ строитъ просто систему логики и метафизики совершенно въ томъ-же стилѣ, какой былъ усвоенъ нѣмецкими метафизиками въ 30—40 годахъ, когда еще не умерла въ нихъ вѣра во всемогущество спекулятивной мысли. Насколько можно судить по приведеннымъ выдержкамъ изъ его „предисловія“, онъ отнюдь не находитъ даже нужнымъ считаться съ враждебными ему философскими направленіями, а просто ихъ игнорируетъ,—повидимому, какъ продукты „временнаго увлеченія“, „легкомыслія“ и даже „глупости“, водворившіе въ наукѣ „египетскую тьму“. Дѣло представляется такъ, что онъ просто выждалъ моментъ, когда, по его мнѣнію „наступаетъ реакція“ этому легкомыслію, и рѣшился стосковавшемуся по метафизикѣ челоувѣчеству „представить ея, какъ неотразимый фактъ“... Нужно-ли говорить, сколько недалководности обнаруживаетъ такое отношеніе къ дѣлу, и какъ сильно эта недалководность обезцѣниваетъ оставляемое г. Чичеринымъ „наслѣдство молодымъ русскимъ философамъ?“

Что касается собственно *положительнаго* развитія своихъ взглядовъ, то въ этомъ отношеніи книга г. Чичерина отличается однимъ безспорнымъ достоинствомъ, общимъ ей со всѣми почти другими произведеніями того-же направленія, напимѣръ, въ нѣмецкой философской литературѣ. Достоинство это состоитъ въ томъ, что всякое дѣлаемое авторомъ утвержденіе тѣсно связано какъ со всѣми предъидущими, такъ, по большей части, и съ послѣдующими;—разъ принятое методологическое начало неуклонно проводится во всѣхъ подходящихъ случаяхъ;—составъ и ходъ изслѣдованія всецѣло опредѣляется заранее сдѣланными основными допущеніями и выводами. Короче сказать, *какъ система*, изслѣдованіе г. Чичерина должно быть названо *образцовымъ*. Вотъ если-бы въ *этомъ отношеніи* оно сдѣлалось предметомъ подражанія для русскихъ философскихъ писателей, то это было-бы со стороны г. Чичерина боль-

пою услугою русской философіи. А то у насъ ужь слишкомъ второстепенное значеніе обыкновенно усвояютъ внѣшне-формальной сторонѣ изслѣдованія. Логическая связность и взаимообусловленность частей, строгая выдержанность плана и единство методологическаго принципа—часто не только не преслѣдуются, какъ нѣчто необходимое въ философской работѣ болѣе, чѣмъ въ какой либо другой, но и нарочно избѣгаются, какъ „схоластическій формализмъ“.

Но указанное достоинство изслѣдованія легко можетъ сдѣлаться и источникомъ многихъ ошибокъ. Невѣрность какой либо посылки даетъ уже себя знать на всѣхъ дальнѣйшихъ выводахъ; а, напримѣръ, невѣрность методологическаго принципа обезцѣниваетъ и всю систему. Поэтому-то относительно такихъ системъ и говорятъ обыкновенно, что для ихъ опроверженія достаточно иногда раскритиковать всего лишь одинъ силлогизмъ. Все это вполнѣ приложимо и къ книгѣ г. Чичерина. Онъ уже во введеніи устанавливаетъ одинъ основной приѣмъ изслѣдованія, который затѣмъ съ замѣчательною послѣдовательностью прилагаетъ ко всѣмъ затрогиваемымъ вопросамъ. Но вотъ достоинства именно этого-то приѣма намъ и кажутся въ высшей степени спорными.

Мы видѣли, что, по мнѣнію г. Чичерина, „для логическихъ изслѣдованій нужно только взглянуть яснымъ и непредубѣжденнымъ взоромъ на то, что мы дѣлаемъ“. Отсюда естественно, что основной приѣмъ при разработкѣ логики онъ видитъ въ *анализѣ самосознанія*. Но въ чемъ долженъ состоять этотъ анализъ? „Самосознаніе разума, говоритъ онъ, заключаетъ въ себѣ двоякій элементъ: фактическій, или реальный, и чисто логическій,—то, что дѣлается, и сознаніе необходимости того, что дѣлается. Первый раскрывается намъ анализомъ, разложеніемъ реальнаго дѣйствія на составные его факторы. Такъ какъ дѣйствіе сознательно, то всѣ факторы у насъ на лицо; для опредѣленія ихъ требуется только всестороннее вниманіе. Но какъ узнать, что это вниманіе приложено, что ничего не унущено, или не понято ложно? Проверкою служитъ второе дѣйствіе, чисто логическое. Мы можемъ быть увѣрены, что анализъ сдѣланъ правильно и всесторонне, если въ немъ оказывается логическая необходимость, то есть, если онъ соотвѣтствуетъ

законамъ разума. Мы имѣемъ здѣсь силлогизмъ, въ которомъ законы разума составляютъ большую посылку, фактический анализъ меньшую; изъ обѣихъ слѣдуетъ достовѣрное заключеніе. Первая задача состоитъ, слѣдовательно, въ томъ, чтобы установить законы разума, которые должны служить большею посылкою“ (стр. 6). Доселѣ разсужденія автора— совершенно справедливы.

Но вотъ онъ переходитъ къ установкѣ „*схемы*“, которая выражала-бы „полноту логически необходимыхъ элементовъ познанія, а вмѣстѣ и необходимыя ихъ отношенія“ (стр. 8), другими словами, —хочетъ открыть такой формальный принципъ, приложеніе котораго гарантировало-бы полноту и правильность *всякой* дедукціи. Эта-то схема и является совершенно неудобопріемлемой. Вотъ какъ устанавливаетъ ее авторъ: „Дѣйствія разума, говоритъ онъ, двойки: соединеніе и раздѣленіе. Всякая логическая операція состоитъ или въ томъ, или въ другомъ, а чаще всего заключаетъ въ себѣ оба вмѣстѣ. Поэтому опредѣленія единства и множества суть основныя начала разума при познаніи какого бы то ни было предмета“ (стр. 7). Последняя часть приведенной тирады является нѣсколько неясной, и объ этомъ нельзя не пожалѣть, потому что въ ней дается посылка для принципа, опредѣляющаго все содержаніе книги. Что собственно хочетъ выразить авторъ, говоря, что опредѣленія единства и множества суть основныя начала разума? „Началами“ разума называются—или *аксіомы*, составляющія необходимыя предположенія (предпосылки) всѣхъ умственныхъ операцій (таковы, напримѣръ, общеизвѣстные „законы мышленія“), или-же элементарныя *пріемы* мысли, повторяющіеся во всякой болѣе или менѣе сложной умственной операціи. Строго говоря, формула г. Чичерина не подходитъ ни къ одному изъ этихъ пониманій; но съ большей вѣроятностью можно догадываться, что онъ подъ началами разума разумѣетъ именно пріемы. Въ такомъ случаѣ, является вопросъ: въ какомъ-же смыслѣ „опредѣленія единства и множества“ можно называть *основными* началами разума? Доселѣ основными пріемами мысли считались отождествленіе и различіе; и намъ думается, что какъ въ психологическомъ, такъ и въ логическомъ отношеніи этотъ пріемъ скорѣе можно назвать первичнымъ, элементарнымъ,

нежели опредѣленія познаваемого содержанія по категоріямъ количества. Итакъ, первая посылка для „схемы“ г. Чичерина страдаетъ *неопредѣленностью* и *спорностью*; сего, и самая схема не чужда этихъ недостатковъ.

Но къ этимъ двумъ своимъ „основнымъ началамъ“ авторъ присоединяетъ еще два. „Эти два противоположныя опредѣленія, говоритъ онъ, въ свою очередь, связываются двумя противоположными путями, посредствомъ соединенія и посредствомъ раздѣленія. Первое даетъ конкретное сочетаніе единого и многаго, второе—ихъ отношеніе. Эти четыре начала, которыя, очевидно, ничто иное, какъ необходимые способы дѣйствія разума, какъ силы разлагающей и слагающей всякое содержаніе, представляютъ такимъ образомъ двѣ перекрещивающіяся противоположности. Они образуютъ общую логическую схему для познанія всякаго предмета, а тѣмъ болѣе для познанія логическихъ операций“ (ibid). Сознаемся, что въ этой выдержкѣ мы совсѣмъ ничего не понимаемъ.

Но г. Чичеринъ, повидимому, предчувствовалъ возможность такого случая и потому далъ нѣсколько вариаций вывода этой своей схемы. Одна изъ этихъ вариаций предназначена, по его словамъ, „для читателей, непривычныхъ къ философскимъ понятіямъ“ (стр. 8, примѣч.) Ужь, кажется, она-то не должна-бы быть непонятной. И однако мы готовы отъ души позавидовать тому, кто понялъ-бы ее. Выписываемъ буквально. „Для читателей, непривычныхъ къ философскимъ понятіямъ, говоритъ авторъ, можно представить эту схему наглядно въ слѣдующей формулѣ:

Единство.

Отношеніе + Сочетаніе.

Множество.

Очевидно, эта формула не содержитъ въ себѣ ничего, кромѣ самыхъ элементарныхъ логическихъ дѣйствій ¹⁾: соединенія и раздѣленія. Заключающіяся въ ней противоположныя опредѣленія единства и множества представляютъ двѣ крайности, между которыми лежатъ двѣ связующія ихъ середины: одна въ формѣ соединенія, другая въ формѣ раздѣленія. Изъ самыхъ терминовъ ясно (?), что внѣ этого

¹⁾ А для насъ она не содержитъ даже и совсѣмъ ничего.

ничего быть не можетъ, каково бы ни было содержаніе“... Не болѣе понятны и остальные варіаціи. Можетъ быть въ этой непонятности виновать не г. Чичеринъ, а наша собственная умственная ограниченность; но мы знаемъ не мало и другихъ людей, даже „привычныхъ къ философскимъ понятіямъ“, которые отказывались истолковать намъ эти разсужденія автора...

Такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, за *темноту изложенія* г. Чичеринъ долженъ принять упрекъ.

Переходимъ къ самому изложенію логики и метафизики. Мы не будемъ разбирать это изложеніе шагъ за шагомъ, а лишь отмѣтилъ въ немъ то, что кажется намъ ошибочнымъ.

Взглядъ автора на *предметъ и задачи логики* намъ не кажется правильнымъ. Онъ, хотя и усволяетъ логикѣ „самостоятельное значеніе“, однако видитъ въ ней „часть психологіи въ обширномъ смыслѣ, т. е. науки о разныхъ способностяхъ и дѣятельностяхъ души“ (стр. 12—13). Это сглаживаніе различій между логикою и психологіей ничѣмъ не можетъ быть оправдано и ведетъ обыкновенно при разработкѣ логики ко многимъ совсѣмъ нежелательнымъ явленіямъ. Къ такимъ нежелательнымъ явленіямъ относится прежде всего впесеніе въ логику массы совершенно ненужнаго здѣсь психологическаго матеріала. Такъ, г. Чичеринъ, раздѣливши логику на четыре части, даетъ въ одной изъ нихъ ученіе *о способностяхъ разума* (ч. II, стр. 106—144), памяти, воображеніи, умѣ и др. Къ цѣли логики, —опредѣлить формальныя условія достовѣрности познанія, — это не имѣетъ никакого отношенія. Авторъ старается оправдать свой взглядъ такими разсужденіями: „Понятіе о способности необходимо; имъ опредѣляется разумъ какъ источникъ дѣятельности; различіе же способностей доказывается спеціальною памятью или забвеніемъ извѣстнаго ряда предметовъ. Съ другой стороны невозможно исключить изъ логики ученіе о способностяхъ, ибо, изслѣдуя формы, логика должна указать ихъ происхожденіе, а это и ведетъ къ ученію о различныхъ способностяхъ разума. Ученіе о способностяхъ есть познаніе разума, какъ дѣятельной силы, понятіе основное для логики“ (стр. 13). Такимъ способомъ можно все доказывать, даже напримѣръ, — что фізіологическое ученіе о функ-

дѣяхъ голосоваго аппарата должно составлять часть грамматики. Указывать происхожденіе формъ мышленія логика отнюдь не обязана, ибо каково-бы ни было психологическое основаніе разныхъ формъ, вѣдь это ни одной черты не прибавить и не убавить въ ученіи логики о законности или незаконности тѣхъ или иныхъ познавательныхъ приемовъ ¹⁾).

Но, повидимому, главнымъ-то основаніемъ для г. Чичерина включить ученіе о способностяхъ въ составъ логики было не столько то, которое мы сейчасъ привели, сколько желаніе получить *четверичное число* частей этой науки и затѣмъ дедуцировать ея составъ по установленной имъ „схемѣ“ всякаго изслѣдованія. Раздѣливъ логику на четыре части,—1) ученіе о формахъ мышленія, 2) о способностяхъ, 3) о законахъ мысли и 4) о методахъ изслѣдованія (стр. 13),—онъ говоритъ: „Эти четыре элемента подходятъ подъ основную логическую схему, чѣмъ доказывается (!?) ихъ полнота, а вмѣстѣ рациональность раздѣленія. Всякая дѣятельная сила представляется въ двухъ противоположныхъ опредѣленіяхъ: какъ сила и какъ дѣятельность,—иначе въ потенциальномъ и дѣятельномъ состояніи. Отношеніе ихъ опредѣляется закономъ, который есть начало, опредѣляющее способъ дѣйствія силы при переходѣ ея въ дѣятельность. Конкретное-же произведеніе силы въ дѣйствіи есть единичное явленіе, которое въ настоящемъ случаѣ есть логическая форма“ (стр. 14). Такимъ образомъ, первымъ плодомъ „схемы“ г. Чичерина является превратное толкованіе задачъ разрабатываемой имъ науки. Это, конечно, не говорить въ пользу этой „схемы“.

Но эта схема и въ дальнѣйшемъ сказывается на изслѣдованіи г. Чичерина подобнымъ-же образомъ. Стремленіе всюду получать *четверичное число* составляетъ самую характерную особенность книги и бросается въ глаза чита-

¹⁾ Введеніе ненужнаго психологическаго элемента не ограничивается ученіемъ о способностяхъ. Даже въ тѣ части, которыя должны имѣть мѣсто въ логикѣ, авторъ ввелъ отдѣлы, имѣющіе чисто психологическій интересъ. Напримѣръ въ ученіи о формахъ (1-я ч.) только послѣдняя (3-я) книга содержитъ ученіе собственно о формахъ мышленія, а двѣ первыхъ—ненужныя въ логикѣ разсужденія о впечатлѣніяхъ и представленіяхъ (стр. 16—63). Сдѣланныя выше замѣчанія противъ смѣшенія задачъ логики и психологіи, разумѣется, имѣютъ силу и здѣсь.

телю прежде всякихъ другихъ. Такъ авторъ насчитываетъ безъ всякой нужды, а единственно въ интересахъ своей схемы, четыре элемента самосознанія (стр. 39—41), четыре элемента въ сознаніи объекта (стр. 41), четыре формы воспоминанія (стр. 43), — да еще почти въ каждой формѣ по четыре вида (стр. 44. 46. 47), — четыре стороны ощущенія (стр. 18), даже четыре внѣшнихъ чувства (стр. 18), ¹⁾ четыре элемента чувства и четыре вида объектовъ (стр. 31), четыре метода (стр. 165), четыре вида причинности (стр. 166), четыре индуктивныхъ способа дѣйствій (стр. 171) и т. д. и т. д. Вообще эта „тетрахономическая манія“ — какъ можно-бы назвать пріемъ г. Чичерина, — иногда можетъ даже вызывать улыбку. Неужели человѣкъ можетъ серьезно вѣрить, что этимъ пріемомъ достигается полнота и рациональность дедукціи?... Вѣдь это, въ сущности, ничѣмъ не разнится отъ игры въ священныя числа свойственной древнимъ ²⁾.

Замѣчается иногда у автора *спутанность плана*. Такъ, напримѣръ, судя по §§ 1—2 въ 3-ей гл. 1-го отд. I-ой части логики (о внутреннемъ впечатлѣніи), трактатъ о самосознаніи долженъ бы принадлежать именно къ этой, 3-ей главѣ ³⁾, а между тѣмъ онъ отнесенъ къ 4-ой, — неизвѣстно зачѣмъ.

Самыми крупными недостатками страдаютъ у г. Чичерина даваемые имъ *опредѣленія* разныхъ понятій. И вообще *терминологія*, которою онъ пользуется, весьма далека отъ совершенства. Вотъ, напримѣръ, какъ опредѣляетъ онъ впечатлѣніе: „Впечатлѣніе есть непосредственное отношеніе разума къ подлежащему его сознанію реальному предмету“

¹⁾ Въмѣсто обыкновенно считаеваемыхъ пяти. Вкусъ подвергся исключенію.

²⁾ Напр., подобнымъ же образомъ Филонъ, кажется, считая число семь священнымъ, насчитывалъ у человѣка семь чувствъ, въ человѣческомъ тѣлѣ семь изліяній и т. п.

³⁾ „Внутреннее впечатлѣніе, говоритъ здѣсь авторъ, есть взаимодѣйствіе разума съ явленіями внутренняго міра. Эти явленія двоякаго рода: отношеніе разума къ самому себѣ, самосознаніе, и отношеніе къ другимъ элементамъ внутренняго сознанія“ (стр. 30) Между тѣмъ рѣчь въ этой главѣ ведется лишь о чувствахъ и волѣхъ.

(стр. 17). На стр. 23 разумъ названъ „силой, имѣющей объемъ, общій многимъ впечатлѣнiямъ“; не угодно-ли умудриться соединить съ этимъ выраженiемъ опредѣленный смыслъ? Форму авторъ опредѣляетъ, какъ „порядокъ различнаго“ (стр. 24), пространство — какъ „форму совмѣстной внѣшности, т. е. порядокъ частей, лежащихъ внѣ другъ друга, но не отрицающихъ одна другую, а пребывающихъ рядомъ“ (стр. 24—25), бытiе — какъ „чистое тождество съ собою, или отношенiе къ себѣ“ (стр. 234), реальность — какъ „количественное качество“ (стр. 258). Или вотъ, примѣръ, такихъ разсужденiй тоже не мало можно встрѣтить въ книгѣ г. Чичерина: „А есть А. Въ этой формулѣ А есть какое либо опредѣленiе. Если же всякое опредѣленiе устраняется то остается чистое *есть*, которое и выражаетъ чистое бытiе. Бытiе, какъ таковое, исключаетъ изъ себя небытiе или отрицанiе. Поэтому оно и есть чистое бытiе. Только бытiе есть, а небытiя вовсе нѣтъ, ибо оно исключается изъ бытiя. Исключая изъ себя всякое отрицанiе, чистое бытiе исключаетъ и всякое опредѣленiе. Поэтому ему нельзя приписать ни одного изъ противоположныхъ опредѣленiй, которыми опредѣленное бытiе отличается отъ другаго: оно ни то, ни другое. Но если оно—ни то, ни другое изъ противоположныхъ опредѣленiй, къ которымъ прилагается законъ исключенiя третьяго, то, въ силу этого закона, оно—ничто. Чистое бытiе есть небытiе“ (стр. 234—235). „Небытiе есть отрицанiе всякаго бытiя, слѣдовательно, чистое отрицанiе. Но отрицанiе, для того, чтобы отрицать, должно *быть*. Отрицая, оно полагаетъ себя какъ отрицанiе, слѣдовательно, какъ тождественное съ собою, или какъ бытiе“ (стр. 236). Не угодно-ли разобраться въ этихъ разсужденiяхъ! Вотъ и хочется невольно сказать:

„Dictaque post toties, nil nisi dicta vides“....

Нѣтъ нужды доказывать, что все это, вопреки заявленному въ предисловіи желанiю г. Чичерина, далеко не способно содѣйствовать водворенiю „ясности мысли“ въ современной философіи.

Не мало недостатковъ можно встрѣтить и въ *доказательствахъ*, приводимыхъ г. Чичеринымъ въ защиту различныхъ своихъ положенiй. Нѣкто сказалъ о Гегелѣ: когда у него стоитъ „слѣдовательно“ это еще не значитъ, что

предлагается выводъ изъ ранѣе данныхъ посылокъ, а скорѣе—что читатель долженъ сдѣлать умственное усиліе и вообразить нѣчто совсѣмъ противоположное дѣйствительно слѣдующему выводу. Мы не рѣшимся этотъ отзывъ приложить къ г. Чичерину; но должны сказать, что нѣкоторымъ изъ его доказательствъ не слишкомъ много недостасть, чтобы заслужить подобный же отзывъ. Вотъ, на примѣръ, какъ доказываются, что разумъ составляетъ основное опредѣленіе субъекта: „Самосознаніе есть положеніе тождества сознающаго субъекта и сознаваемого: я есмь я. Положеніе тождества субъекта съ собою составляетъ принадлежность, какъ чувства, такъ и воли: субъектъ сознающій полагаетъ тождественными съ собою субъектъ чувствующій и субъектъ дѣятельный. Но тамъ субъектъ, будучи въ основаніи тождественнымъ, представляется въ разныхъ, независимыхъ другъ отъ друга опредѣленіяхъ: одинъ есть сознающій, другой чувствующій или дѣятельный, въ обоихъ случаяхъ въ реальномъ отношеніи къ другому, то есть, къ объекту. Въ чистомъ-же самосознаніи полагается тождество субъекта съ собою въ одномъ и томъ-же опредѣленіи: субъектъ сознаетъ себя сознающимъ. Это чистое тождество съ собою, въ отличіе отъ тождества, сохраняющагося въ отношеніяхъ къ другому. Отсюда слѣдуетъ, что разумъ, а не чувство или воля, составляетъ основное опредѣленіе субъекта“ (стр. 39). Попытаемся внести реальный смыслъ въ предлагаемую г. Чичеринимъ формулу чистаго самосознанія: „субъектъ сознаетъ себя сознающимъ“. Сознаніе невозможно безъ сознаваемого, чего не отрицаетъ и самъ авторъ. Въ формулѣ г. Чичерина слово „сознавать“ употреблено два раза и во второй разъ безъ дополненія. Это дѣлаетъ невозможнымъ понять ее. Слѣдовательно, мы должны предположить дополненіе при словѣ „сознающимъ“. Но что-же мы предположимъ, — „себя“ или „нѣчто отличное отъ себя“? Если первое, то является вопросъ: „какимъ“ сознаетъ себя субъектъ? Сказать на это, что—опять „сознающимъ“, нельзя, потому что такимъ образомъ мы вынуждены будемъ продолжать вопросы до безконечности; остается, стало быть, сказать что—„волящимъ“ или „чувствующимъ“; но это уже будетъ прямо опровергать выводъ автора, что ни воля, ни чувство не составляютъ основнаго опредѣленія субъекта, ибо тогда его нѣсколько

удлинившаяся формула ¹⁾ будетъ просто равнозначаща съ формулой: „субъектъ сознаетъ себя чувствующимъ (или волящимъ)“; а это и будетъ какъ разъ обратное его заключенію. Если-же мы предположимъ при словѣ „сознающимъ“ дополненіе — „нѣчто отличное отъ себя“, то это будетъ значить, — говоря словами г. Чичерина, — что субъектъ сознаетъ себя „въ реальномъ отношеніи къ другому, т. е. къ объекту“; слѣдовательно тогда разумъ не будетъ имѣть никакихъ преимуществъ предъ чувствомъ или волей. Итакъ, выводъ автора или *ложень* или *произволенъ*.

Другимъ недостаткомъ въ доказательствахъ г. Чичерина является *некритичность*: послышки его нерѣдко являются совершенно *догматическими* утвержденіями, далеко не отличающимися безспорностію. На стр. 17 читаемъ: „Внѣшнее впечатленіе есть взаимнодѣйствіе разума съ внѣшнимъ міромъ. Это доказывается, во первыхъ, непосредственнымъ чувствомъ (sic!)... Во вторыхъ, то-же подтверждается научнымъ изслѣдованіемъ. Зрѣніе объясняется, какъ дѣйствіе свѣта на нашъ глазъ; свѣтъ-же, по ученію физики, есть колебаніе ээира, отражающееся на сѣтчатой оболочкѣ глаза, и это отраженіе ощущается, какъ краска. Точно также звукъ есть колебаніе воздуха, производящее извѣстное сотрясеніе въ органѣ слуха, и это сотрясеніе ощущается, какъ звукъ. То-же относится и къ другимъ чувствамъ“. Какъ будто авторъ апеллируетъ только къ „здравому смыслу“ читателей. Неужели ему неизвѣстны результаты философскаго критицизма? Что непосредственное чувство ничего не доказываетъ, это извѣстно еще со временъ Декарта; а послѣ Юма и Канта это даже странно и утверждать. Что-же касается разсужденій объ объективной природѣ разныхъ чувственныхъ воспріятій, то развѣ онъ не знаетъ, что истолкованіе звука, какъ движенія, есть не болѣе, какъ установка эквивалента для слуховаго ощущенія въ зрительномъ представленіи, а пониманіе свѣта, — какъ колебанія ээира, и цвѣтовъ, — какъ психическаго отзвука на различія этихъ вибрацій, есть лишь сдѣланный по аналогіи съ истолкованіемъ звука опытъ перевести качественныя разности ощущенія

¹⁾ „Субъектъ сознаетъ себя сознающимъ себя волящимъ (или чувствующимъ)“.

на количественныя? Такимъ образомъ здѣсь мы отнюдь не выбиваемся изъ замкнутаго круга субъективности, т. е. изъ круга нашихъ собственныхъ ощущеній, и потому говорить о дѣйствительномъ взаимодействіи съ внѣшнимъ міромъ не имѣемъ права.

На стр. 29 мы уже прямо встрѣчаемся съ проповѣдью такъ называемаго „наивнаго реализма“. Авторъ говоритъ: „Прирожденное или выработанное приспособленіе даетъ намъ предметъ именно тамъ и такъ, какъ онъ есть, что доказываетъ провѣркою одного ощущенія другимъ и реальными отношеніями къ вещамъ. Совпаденіе объединеннаго сознаниемъ и проектированнаго образа съ дѣйствительно существующими вещами доказываетъ тождество законовъ разума и законовъ внѣшняго міра“. Подобный же догматизмъ можно наблюдать и на стр. 361 и др.

Доселѣ мы указывали общіе недостатки книги г. Чичерина. Теперь скажемъ нѣсколько словъ о частностяхъ разбиваемыхъ имъ воззрѣній.

Начнемъ съ *логики*. Логика,—если исключить изъ нея весь незаконно внесенный въ нее авторомъ психологическій и отчасти метафизическій элементъ,—по размѣрамъ своимъ не превосходитъ маленькаго учебника,—объемъ едва достаточный, чтобы изложить лишь наиболѣе существенное. Уже это одно дѣлало для автора невозможнымъ дать какія либо *дополненія* къ ученію обыкновенной элементарной логики. Вся оригинальность его могла здѣсь проявиться только въ своеобразномъ *освѣщеніи* излагаемаго матеріала. Это мы у него дѣйствительно и находимъ. Многіе отдѣлы разработаны подъ угломъ зрѣнія философскихъ воззрѣній автора,— обстоятельство, имѣющее, конечно, условную цѣнность,—содержаніе-же прочихъ ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго содержанія учебниковъ.

Отъ философскихъ воззрѣній автора зависѣло, папримѣръ, то обстоятельство, что ученіе о сужденіяхъ и умозаключеніяхъ излагается имъ въ трактатѣ о понятіи. По нашему мнѣнію это незаконно. Понятія составляютъ элементы сужденія, сужденія—элементы умозаключенія. Ergo, если ужъ и нужно объединить ученіе объ этихъ предметахъ, то господствующее значеніе должно быть усвоено умозаключенію, сужденію и понятію подчиненное. Лучшее же всего было-бы обойтись

безъ такого объединенія. Также въ интересахъ своего философскаго принципа (т. е. чтобы получить 4 вида объема) авторъ, говоря объ объемѣ понятій, выдумалъ „нулевой объемъ, соотвѣтствующій отрицанію“ (стр. 72). Мы находимъ это тоже ошибочнымъ. *Объемъ* опредѣляется *количествомъ* предметовъ, мыслимыхъ подъ понятіемъ, отрицаніе-же характеризуетъ *качественную* сторону мыслимаго въ понятіи *содержанія*. Смѣшивать эти вещи не слѣдовало бы. Затѣмъ, авторъ, очевидно, забываетъ, что объемъ *отрицательныхъ* понятій обыкновенно *больше* объема положительныхъ; — какъ-же его называть „нулевымъ“? Напримеръ, понятіе „нечеловѣкъ“ ¹⁾ включаетъ въ своемъ объемѣ *всѣ предметы*, кромѣ человѣка. По подобнымъ же мотивамъ (ради четверичнаго числа) къ видамъ умозаключеній авторъ отнесъ „выводъ изъ понятій“ и „вынолъ изъ категорій“ (стр. 90—92). Но первое оказывается въ сущности просто *обобщеніемъ* (ср. на стр. 90, § 5), а что разумѣется подъ вторымъ—трудно понять, вслѣдствіе сжатости и темноты изложенія. Такимъ образомъ, оригинальность г. Чичерина въ разработкѣ логики и составляетъ именно недостатокъ этой обработки.

Есть и въ остальныхъ частяхъ логики недочеты. Напримеръ, выводъ *модусовъ категорическаго силлогизма* сдѣланъ неудовлетворительно. Сказавъ, что, варьируя качество и количество посылокъ, можно получить для каждой фигуры по 16 модусовъ, стало быть, всего для четырехъ фигуръ 64 модуса,—авторъ даетъ только два общихъ правила для исключенія изъ этого числа модусовъ несостоятельныхъ: 1) изъ однихъ частныхъ посылокъ нельзя сдѣлать никакого вывода, и 2) изъ отрицательныхъ посылокъ ничего нельзя вывести. Но, руководясь этими правилами, можно исключить изъ каждой фигуры всего лишь по 7 модусовъ; такимъ образомъ остается еще 36. А нужно получить, какъ известно, всего 19. Много сбивчиваго есть въ изложеніи законовъ мышленія (стр. 145 и слѣд.), въ трактатѣ о сужденіяхъ (стр. 83 и слѣд.) и т. д.

Что касается *метафизики* г. Чичерина, то развиваемые

¹⁾ Примѣръ, приводимый и самимъ авторомъ.

здѣсь тезисы, въ силу своей „трансцендентности“ ¹⁾, критикѣ *по существу* подлежать не могутъ. Критика можетъ касаться лишь ихъ *основаній* и утверждать: „можетъ быть все это и вѣрно, да не достовѣрно“ ²⁾. И дѣйствительно, доказательствамъ автора въ пользу основной мысли его метафизики о тождествѣ законовъ разума и внѣшняго міра очень не трудно отказать въ достовѣрности. „Это тождество, говоритъ онъ, доказывается, во первыхъ, реальными отношеніями субъекта къ внѣшнему міру: субъектъ не можетъ находиться въ реальномъ взаимодействіи съ внѣшнимъ міромъ иначе, какъ подъ условіемъ совпаденія внутреннихъ и внѣшнихъ законовъ. Это необходимое условие всякаго взаимодействія“ (стр. 218). Пусть даже такъ. Но откуда авторъ знаетъ, что такое взаимодействіе существуетъ? Чѣмъ это *доказывается*? Вѣдь весь смыслъ борьбы феноменализма и реализма сводится именно къ тому, чтобы рѣшить, — утвердительно или отрицательно, — вопросъ объ этомъ взаимодействіи, а г. Чичеринъ ссылается на него, какъ на безспорный уже фактъ. „Оно (т. е. тождество законовъ мысли и бытія) доказывается, — продолжаетъ авторъ, — тѣмъ, что чисто умозрительные выводы разума находятъ полное подтвержденіе въ опытѣ. Разумъ имѣетъ два пути познанія: одинъ, идущій изнутри и составляющій умозрѣніе, другой, исходящій отъ внѣшнихъ впечатлѣній и образующій область опыта. Совпаденіе выводовъ, основанныхъ на чисто логическихъ дѣйствіяхъ, съ независимыми отъ разума достовѣрными фактами доказываетъ тождество законовъ внутреннихъ и внѣшнихъ. Такое удостовѣреніе даетъ намъ математика“ (ibid). Извѣстно, какъ объясняется согласіе умозрительныхъ выводовъ съ опытомъ съ точки зрѣнія, напр., Кантовскаго апіоризма: въ строгомъ смыслѣ „независимые отъ разума“ факты не могутъ быть „доставѣрными“, а доставѣрные доставѣрны лишь въ мѣру своей зависимости отъ разума. „Оно доказывается, въ третьихъ — заканчиваетъ авторъ, — тѣмъ, что всякое опытное знаніе

¹⁾ Употребляемъ этотъ терминъ по отношенію къ философскимъ тезисамъ въ томъ-же смыслѣ, въ какомъ дѣлалъ это Кантъ (см. Kritik der reinen Vernunft въ изданіи Кербаха, — S. 263).

²⁾ Ср. А. Введенскаго, опытъ построенія теоріи матеріи на принц. критич. философіи, стр. 316.

основано на логическихъ категоріяхъ и окончательно къ нимъ приводитъ“ (ibid). Опять весьма спорное положеніе: эмпиризмъ отстаиваетъ совершенно обратную точку зрѣнія и доселѣ еще не дождался своего основательнаго опроверженія.

Входить въ дальнѣйшій разборъ метафизики г. Чичерина мы не будемъ, потому что намъ пришлось-бы въ этомъ случаѣ только выписывать положеніе за положеніемъ и просто указывать на недостатокъ принудительныхъ данныхъ къ его принятію. Да и цѣлью нашей статьи не было дать полный разборъ книги, а — высказать о ней всего лишь *нѣсколько* критическихъ замѣчаній.

П. Тихомировъ.
